

его учителем был писатель-антифашист Аугусто Монти, друг Грамши и Пьеро Гобетти, ставший впоследствии и его другом. В университете Павезе сдружился со многими молодыми антифашистами, его первой любовью была подпольщица-связная. Еще в годы учебы Павезе начал переводить английских и американских писателей, переводческую работу он продолжал и став преподавателем в школе, а затем — консультантом книгоиздательства «Эйнауди». Он переводил Дефо и Диккенса, большой его удачей был перевод «Моби Дика» Мелвилла. Павезе первым познакомил итальянских читателей с современными американскими авторами — Ш. Андерсоном, Дж. Стейнбеком, У. Фолкнером, Дос Пассосом, с ирландцем Дж. Джойсом. Тяга к прогрессивной американской литературе была своего рода вызовом официальной культуре фашистской Италии; за свои предосудительные литературные пристрастия и за связи с антифашистским подпольем молодой Павезе был сослан в деревню в Калабрии. Но и там он продолжал работать для издательства «Эйнауди», написал книгу нонконформистских стихов, вышедшую в 1936 году, — «Работать тяжело». Лирический герой Павезе — юноша, который в результате столкновения с враждебной людям цивилизацией, духовным и моральным падением общества утрачивает цельное восприятие окружающего мира, ощущение гармонического слияния с природой и мучительно страдает от духовного одиночества.

Именно тогда уже впервые проявились у Павезе мотивы трагического одиночества, того человеческого отчуждения в буржуазном обществе, о котором много лет спустя нам с такой силой поведали Альберто Моравиа и Микеланджело Антониони. Мрачное мироощущение пронизывало и довоенную прозу Павезе — повести «Твои родные края» и «Пляж». Это настроение безысходности, сознание неотвратимости смерти, неотступные мысли о ней сам Павезе называл своим «абсурдным пороком». Однако, несмотря на угнетавшее его чувство печали, отъединенности от жизни, от других людей, молодой литератор, верный своим антифашистским убеждениям, активно участвует в движении Сопротивления и в 1945 году вступает в Итальянскую коммунистическую партию. И главная тема его центрального произведения — романа «Товарищ» — именно преодоление одиночества, чувства безысходности, страха перед будущим, поиски смысла жизни. Поэтому «Товарищ» до сих пор так часто переиздается в Италии, сохраняя все свое значение для итальянской молодежи.

Вслед за этим принесшим писателю широкую известность романом Павезе пишет лирически-философские эссе «Диалоги с Леуко», выпускает сборник повестей «Прежде чем пропоет петух», который был удостоен одной из самых значительных в Италии литературных премий — премии «Стрега». Герой повестей «Погожее лето», «Дьявол на холмах» (которые вошли в ныне выпущенный у нас однотомник), «Среди жен-

щин», «Дом на холме», многих рассказов — буржуазный интеллигент, ищущий свое место в происходящей борьбе. В 1950 году вышло последнее, наиболее зрелое произведение Павезе, «Луна и костры» — его «лебединая песня». Герой повести, плотник Нуто — самый цельный из персонажей писателя.

В 1950 году в номере туринской гостиницы «Рома» Павезе в приступе тоски из-за неудачной любви к американской актрисе Констанс Даулинг покончил с собой. Его смерть была тяжелой утратой для всей демократической Италии.

Уже посмертно вышли многие его произведения: сборник стихов «У смерти — твои глаза», собрание критических статей, интереснейший дневник, охватывающий период с 1935 по 1950 год, письма писателя, несколько сборников повестей и рассказов.

Прогрессивная критика, призывая к углубленному изучению творческого наследия Павезе, подчеркивает, что стремление писателя выбраться из духовного тупика отчуждения, его приход к антифашистской борьбе и демократической культуре были характерны для всей передовой интеллигенции Италии. Буржуазная же критика, наоборот, концентрирует внимание на трагическом разладе между прогрессивными политическими убеждениями писателя и философией человеческого одиночества.

Выход однотомника прозы Ч. Павезе — важный шаг в знакомстве наших читателей с творчеством этого замечательного художника. Но слава Павезе-прозаика часто заслоняет его славу поэта. Богатство его поэтического наследия у нас еще недостаточно известно, и мы вправе ждать новых встреч с Павезе-поэтом.

Г. БОГЕМСКИЙ

*Издано
за рубежом*

ИМРЕ ДОБОЗИ РАССКАЗЫВАЕТ

Dobozy Imre. A királylány zsá-
molya. Budapest, Kozmosz könyvek,
1974.

*И*мя венгерского писателя Имре Добози хорошо знакомо советскому читателю прежде всего по рассказам, которые публиковались в различных периодических изданиях. Книги большого мастера этого жанра в Венгрии всегда ждут с нетерпением. Новая книга Добози носит название, словно взятое из сказки — «Скамеечка королевы».

Небольшой томик делится композиционно на три части — каждая отражает опре-

деленный, исторически значимый отрезок времени. Открывают сборник рассказы, посвященные событиям 1944 года, когда Советская Армия вела бои на территории Венгрии. Пять рядовых венгерской армии, одетые в новое с иголки обмундирование, продрогшие, голодные, пытаются пробиться к своим, натываются на хутор и входят в один из домов («Скамеечка королевы»). Хозяин, думая, что они дезертиры, встречает их неприветливо. Но дочь его выносит им молока с хлебом и объясняет, что где-то близко русские, а за горой стоит неизвестная воинская часть. Гору ту, поясняет девушка, называют «Скамеечка королевы», потому что, по народному поверью, принося с собой скамеечку, приходила туда когда-то молиться королевская дочь.

Юноши отправляются в путь и действительно попадают в расположение воинской части... немецкой. Однако «союзники» открывают по ним стрельбу. Минутное замешательство — и юноши принимают бой. Двое из них погибают. Но трое оставшихся в живых теперь твердо знают, «в каком идти, в каком сражаться стане». А грохот русских «катюш» уже слышится совсем близко.

Добози не случайно открыл сборник рассказов, посвященных событиям зимы 1944 года, — большинство простых людей именно тогда воочию убедились, к чему привела страну политика профашистской клики Хорти. Население с каждым днем все решительнее сопротивлялось фашистским властям: отказывалось работать на оборонных сооружениях, охраняло от уничтожения заводы и фабрики. Венгерские солдаты и офицеры все чаще переходили на сторону Советской Армии. Одновременно стало активизироваться и партизанское движение. Рассказы о совместных действиях в 1944—1945 годах советских войск и венгерских отрядов национального освобождения — это страницы и личной биографии Добози. Он тоже сражался в одном из таких отрядов.

Офицер Рыбаков («Январь»), Татушин («Неожиданный концерт»), Блиницкий («Февраль») — герои, в которых Добози особенно дорога их душевность. Идут жестокие бои за каждый дом, за каждую улицу, но в самых трудных ситуациях советский воин остается человечным. Для Добози это главное. Сотни километров пути по венгерским городам и селам прошли бок о бок советские солдаты и венгерские бойцы национального освобождения — именно тогда рождалось взаимопонимание и крепла дружба.

Пройдет еще несколько лет, и бои переместятся на другие «фронты». Нелегким был процесс кооперирования в селах Венгрии. Приходилось преодолевать отчаянное сопротивление классовых врагов. Но время и жизнь доказывали преимущество коллективного ведения сельского хозяйства. И вот уже самые «упорные» супруги Пато пришли к председателю подавать заявление в кооператив («Ливень»). Сдержанно и тонко изображает Добози внутреннее состояние своих героев.

«— Добрый день,— промолвил Пато таким тоном, словно хотел сказать: вот и я пришел.

Его плечи слегка опустились. Это было едва заметное движение... Такое движение обычно делает человек, если долго держал на плечах ношу, сильно, до боли, напрягая мышцы; но вот он сбросил груз, и его плечи расслабленно и облегченно опускаются».

Увидев в своем герое человека завтрашнего дня, Добози создал запоминающийся образ: домовитый хозяин, рачительный земледелец, человек широкой души, Пато станет впоследствии умом и совестью кооператива.

О формировании человека нового общества повествует один из лучших рассказов сборника «Превосходство».

Юноша Лаци живет вдвоем с отцом. Каждый вечер приходит к отцу инженер и они засиживаются допоздна, обсуждая заводские дела. А Лаци спешит к любимой девушке — Кристине. С гордостью рассказывает он ей о заводе, на котором трудится его отец, о том, как отец, простой рабочий, стал инженером. Девушка с интересом слушает, но не все понятно ей, воспитанной в мелкобуржуазной семье. Между ними часто возникают споры о смысле жизни, о том, что важнее: увлеченность работой, отдача себя людям или ставшее самоцелью бесконечное приобретательство: холодильник, машины, дачи, когда люди превращаются в рабов этих вещей.

Лаци искренне и горячо стремится объяснить Кристине (недаром он готовится стать философом), что такое революционность. Для него революционер, коммунист — человек прежде всего необыкновенной внутренней чистоты, мужества и принципиальности. «Пойми, Кристи,— говорит юноша,— ведь именно сейчас, в нашем обществе, рождается тот высокий гуманизм, который составит подлинный смысл существования людей. Я всей душой верю в это!»

Жгучим проблемам общественной жизни посвящены рассказы, составляющие третью часть книги. Это рассказы-очерки, рассказы-документы. Вот Добози полемизирует с Гюнтером Грассом на встрече писателей в Белграде в октябре 1972 года (очерк «Спор о революции»). С убежденностью коммуниста Добози выступает против выдвинутого Грассом тезиса о том, что революционеры якобы провозглашают принципы, которых не могут осуществить. «Быть революционером сегодня — вот единственно возможное решение», — подытоживает Добози свое выступление.

Заботой о будущей литературной смене проникнут его очерк о встрече молодых писателей в городе Лиллафюреде («Отряд, задающий вопросы»). Здесь он и гневается, и радуется, и гордится. Гневается, когда некоторые молодые «сотрясают» воздух по поводу «конформизма» — «нонконформизма», не сумев разобраться в сути этих понятий; радуется, когда молодежь с

присущей ей горячностью и прямою говорит о недостатках, гордится ее успехами в творчестве.

С особым волнением читаешь заключающий книгу очерк «Осень в Крыму». Находясь на отдыхе в Сосновой Роще, Добози узнает о кровавых событиях в Чили. С кем бы он ни встречался в те дни — разговор непременно заходит о судьбе чилийского народа, судьбах мира...

Книги, принадлежащие Добози — романы, очерки, пьесы, киносценарии, сборники рассказов, — исчисляются не одним десятком. Но именно благодаря этой небольшой книге с названием, взятым словно из сказки, особенно живо встает перед нами образ человека твердых убеждений, широких знаний, обостренного чувства ответственности, который своим творчеством помогает молодежи определить свое отношение к миру и свое место в нем.

М. УЛЬРИХ

ЭЛИСЕО ДИЕГО: ВРЕМЯ, СТАВШЕЕ СЛОВОМ

Eliseo Diego. *Nombrar las cosas*. La Habana. Bolsilibros Unión, 1973.

Eliseo Diego. *Noticias de la Quimera*. La Habana, UNEAC, 1975.

Время, наиболее таинственная и неуловимая категория из всех доступных человеку понятий, — тема, смысл и духовный символ поэзии Элисео Диего. Определителями времени предстают перед нами стихи и проза выдающегося кубинского поэта. И не такой уж это невидимка — Время. Кажется, что сфотографирована пустота, а в проявителе поэтического видения медленно, но явственно проступают контуры этого бесплотного скорохода. Время присутствует у Диего «в следах отца на пыльных тропах дней», в фигуре незнакомца: «чудной тихоня — шагом виноватым /он в ночь от нас уходит, в свой удел»; в кубинских селениях, чей красноватый цвет «струится /сквозь пепел рассвета, словно безмолвие»; в героях кубинской истории, о которых рассказывает старик генерал:

И в час, когда в голубизну двора
от рощицы банановой печаль
стекала, листьями шурша в тревоге, —

за пальмами, по контуру бугра,
безмерно ветхие, в ночную даль
бесшумно уходили наши боги¹.

Иногда поэт наблюдает Время со стороны, иногда он сам в нем:

...смотришь, не веря глазам,
как густеющий дым
обволакивает поля,
и наплывает звук —
смутное бормотанье,
а за ним необъятный
общий шорох потемок.
И неожиданно рад,
что вопреки всему
ты оказался внутри
этого ритуала!

¹ Здесь и далее переводы стихов принадлежат автору статьи.

Поступь Времени явственно слышится в опубликованной на Кубе поэтической антологии Элисео Диего «Назвать вещи» (1973), включившей целиком стихи из ранних его сборников «В квартале Хесус дель Монте» (1949), «По диковинным старым селениям» (1958), «Глухое сияние» (1966), «Версии» (1970), а также, выборочно, стихи из «Образчиков мира, или Книги чудес дона Хосе Северино Болоньи» (1968)¹ и несколько стихотворений, объединенных под названием «Фрагменты из возможной книги». Эта антология впервые позволяет рассмотреть эволюцию творчества Элисео Диего, а сборник микро-рассказов «Вести о Химере» (1975), тесно связанный, по словам поэта, с его стихами, и предисловие к нему знакомят нас с размышлениями автора о сути творчества и о развитии кубинской литературы последних десятилетий.

Семнадцать миниатюрных рассказов, входящих в сборник, похожи на сказки, а вернее, на притчи, мораль которых остается на совести читателя, если только он захочет связать события этих почти невероятных историй со своим очевидным опытом.

Это рассказы о прошлом. Автомобильная катастрофа, столь обычная и желанная для уличных зевак, словно срывает оболочку во всего механизма городской жизни, обнажая изнанку жалкого обывательского существования («Стекло безумства»); хозяин мастерской, производящей разного рода лестницы, исчезает, поднимаясь по одной из них, — ему почудилось, что кто-то его позвал («Никто»); стук домино преследует повсюду героя другого рассказа, и перед его глазами проходят судьбы людей, утасованных вместе с затихающим перестуком домино («Домино»); человек с золотыми зубами, в которого влюбляется девушка, не подозревая, что это сам Дьявол, — совсем как в народном куплете, который Диего приводит эпиграфом к рассказу:

Мне приснился красавец
с золотыми зубами,
я с ним под венец пойду.

Дочка, ведь это Дьявол,
тебя он осыплет златом,
осыплет златом... в аду!

Раскрывая смысл этой притчи, Элисео Диего пишет в предисловии, что в ней заключена «критика алчности и тщеты, этих движущих сил кубинской буржуазии конца века».

А вот в темном парке волшебным вырос куст с неведомыми белыми цветами, заставляющими Маркоса, героя одного из рассказов, задуматься о своем одиночестве («Изнанка»). В этом рассказе, созданном за несколько лет до Революции, — вся печаль «маленького человека» в жестоком мире стяжательства, который напоминает одиночек Гоголя и Достоевского, затерянных в темных лабиринтах большого города и в самих себе. В предисловии к сборнику Диего пишет: «В рассказе «Изнанка» нашло развитие одно из моих постоянных раздумий о

¹ Фрагменты из этой книги были опубликованы в «Иностранной литературе» № 1, 1971.